

Разрушать нельзя сохранять:

Анри Грегуар и проблема революционного вандализма

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-213-236.

Анри Батисту Грегуару (1750–1831), которого в западной историографии принято называть «аббатом Грегуаром» по его последнему церковному титулу при Старом режиме, удалось изобрести слово, которому была суждена в прямом смысле геростратова слава. При этом намерения революционного аббата были прямо противоположными: часто приводят фразу из его мемуаров: «Я хотел создать слово, чтобы уничтожить вещь» (Grégoire, 1837: 345). Слово «вандализм» было создано для того, чтобы заклеить разрушение памятников и произведений искусства, сожжение книг на волне революционных потрясений, активнейшим участником которых был сам Грегуар как один из наиболее известных членов Комитета общественного образования. Если принять во внимание многие эпизоды революционной биографии Грегуара, его поздние признания могут показаться неискренними: «Мемуары» были написаны в 1808-м и опубликованы уже в 1837-м году, через шесть лет после смерти автора. Сторонник гражданского устройства духовенства, эмансипации евреев, отмены рабства и наделения правами мулатов Грегуар был активным республиканцем, но при этом одним из первых разоблачителей якобинского террора, частью которого он считал вандализм¹. При этом наиболее знаменитая из его речей, произнесенная во время террора инвектива в адрес местных наречий или патуа², сегодня нередко расценивается как важный элемент радикальной централизаторской политики якобинского правительства, направленной на уничтожение диалектов³.

¹О Грегуаре см.: Hourdin, 1989; Hermon-Belot, 2000; Ezran, 2000; Popkin, R., *The Abbé Grégoire and His World*, 2000; Sepinwall, 2005; Dubray, 2008.

²«О необходимости уничтожения патуа и средствах для этого, а также об универсализации использования французского языка» см. в De Certeau et al., 2002: 331–351.

³Как замечает исследователь французского национализма Дэвид Белл: «Его программа в первую очередь была националистической и уже потом универсалистской» См. Bell, 2001: 177.

Подобно многим революционным неологизмам, термин *вандализм* успешно прижился во французском и быстро распространился в Европе. Он отражал господствовавшие в конце XVII-го представления о племени вандалов как о «наиболее варварском среди варваров», что связывают с их участием в разграблении Рима в 455-м году⁴. Проведение параллелей с античной историей было излюбленным приемом революционных ораторов, и в первом донесении Грегуара о вандализме мы найдем массу отсылок к античности. Однако обстоятельства, вызывавшие появление донесения, были неотложными: со всех концов страны поступали сообщения об уничтожении памятников и сжигании книг. Таким образом, термин вандализм был одновременно революционным оммажем античности и самым злободневным политическим комментарием. По замечанию Бронислава Бачко, известнейшего исследователя революционного террора и автора статьи «Вандализм» в словаре Французской революции под редакцией Франсуа Фюре и Моны Озуф, термин является одним из немногих неологизмов эпохи, «автор и обстоятельства появления которого нам известны» (Baczko, 2007: 507). Доподлинно известно, что впервые слово «вандализм» появилось в донесении Грегуара о надписях на общественных памятниках 21 нивоza Второго года Республики, Единой и неделимой, или 10 января 1794 года по григорианскому календарю. Но развить свои идеи в разгар Якобинского террора Грегуар не имел возможности, поэтому три донесения, непосредственно посвященные вандализму, будут прочитаны уже после падения Робеспьера и Термидора: 14 фруктидора Второго Года (31 августа 1794), 8-го брюмера Второго года (29 октября 1794-го) и 24-го фримера Третьего года (14 декабря 1794-го года). Неудивительно, что все идейные вдохновители того, что Грегуар называет вандализмом, включая Эбера, Робеспьера и их ближайших сторонников, к моменту произнесения первой речи уже закончат свою жизнь на гильотине. Основные аргументы Грегуар сформулирует именно в первой речи, перевод текста которой с небольшими сокращениями приводится в данной публикации⁵.

«Донесение о разрушениях, произведенных вандализмом, и средствах их обуздать» стало одним из поворотных моментов революционной

⁴Причем уже тогда, как отмечает Грегуар, оно вызывало возмущение граждан с немецкими корнями (Grégoire, 1837: 348).

⁵Сокращения целиком относятся к длинному перечню утраченных или проданных ценностей, приводимому Грегуаром.

культурной политики, обозначив резкий разрыв в дискурсивных практиках посттермидорианской Республики: осуждение вандализма быстро стало общим местом революционной прессы и парламентских дебатов (Baczko, 2007: 510–512). Как отмечает Бачко, инвективы в адрес вандализма станут частью критики якобинского террора и будут рассматриваться революционерами как средство «восстановить глубинное тождество революции и просвещения» (ibid.)⁶. В своем первом донесении Грегуар ставит как минимум три задачи: составить общую картину понесенного ущерба; понять глубинные причины явления и, как принято в донесениях той эпохи, раскрыть контрреволюционный заговор; предложить не просто проект защиты памятников, а широкую программу народного просвещения и использования работ «гениев» во благо строящейся нации.

Первая задача связана с появлением или, как любят выражаться французские философствующие историки, «рождением» идеи «национального достояния» (*patrimoine national*), которую напрямую связывают с деятельностью Грегуара (*L'abbé Grégoire et la naissance...*, 2012). Его главный аргумент состоит в том, что вандалы или «новые иконоборцы» уничтожают не просто имущество «тирана», феодалов и монастырей, а то, что стало общественной собственностью. По этой причине его интересует не только уничтожение или повреждение памятников и книг, но и продажа их по бросовым ценам и незаконный вывоз за границу. Упоминание «новых иконоборцев» отнюдь не случайно, так как разрушение церквей у Грегуара, остававшегося сторонником реформированной галликанской католической церкви, ассоциировались с религиозными войнами и протестантским иконоборчеством.

Грегуар выделяет четыре основные причины вандализма. Во-первых, это собственно невежество простого народа, которое заставляет неграмотных крестьян и санкюлотов разбивать статуи античных богов, принимая их за символы феодализма, сжигать книги и уничтожать памятники. В этом случае он считает необходимым вести разъяснительную работу и опираться на «примерных граждан». Во-вторых, это корысть со стороны «мошенников», которые, прекрасно понимая ценность предметов искусства и технических устройств, наживаются огромные состояния на распродаже, нередко становясь комиссарами. В-третьих, это «дух контрреволюции», с которым связано преследование выдающихся ученых и писателей. В этом смысле вандализм является элементом

⁶О связи террора и вандализма см. также Baczko, 1989.

куда более обширной системы цензуры и нетерпимости, установившейся вместе с якобинской диктатурой. Здесь Грегуар не жалеет самых темных красок для оценки «иконоборческих» предложений эбэртистов и сторонников Робеспьера, целью которого было оставить народ в невежестве, дискредитировать революцию и установить диктатуру. Наконец, в-четвертых, следы этого заговора естественно приводят за границу, главным образом в Англию. При этом англичане при всех своих алчности и коварстве представляются ценителями средневековых рукописей, картин и древностей.

Однако Грегуар не ставит под сомнение революционную программу уничтожения символов феодализма, тирании и «рабства народов». Как отмечают современные исследователи, революционные декреты, направленные на уничтожение символов Старого режима, чередовались с декретами, направленными на сохранение памятников (*L'abbé Grégoire et la naissance...*, 2012: 8–11). Бачко описывает ситуацию следующим образом (Baczko, 2007: 518):

Отважные санкюлоты, которые предавались иконоборчеству во Втором году, вне всякого сомнения поощрялись властью, и все те меры, которыми им угрожали, никогда не были реализованы. Разрушения продолжались на протяжении нескольких лет с удивительной последовательностью вне зависимости от смены пребывавших у власти групп...

Революционные правительства одновременно вдохновляли народ на символическую борьбу с прошлым насильственным путем и старались направить эту борьбу в определённое русло.

Идея Грегуара состояла в том, чтобы в будущем произвести отбор и отделить вредоносные и контрреволюционные произведения Старого режима от тех, что заставят «ярче сиять славу нации». Однако до завершения этой процедуры он предлагал описать реквизированное имущество и отправить его в адрес Комитета общественного образования, лишив местные администрации права продавать и тем более уничтожать его, не останавливая при этом процесса уничтожения символов феодализма и тирании, как видно из приведённого им примера со скульптурной композицией, включавшей герб знаменитого дома Монмарси. Гражданам следовало аккуратно соскоблить аристократический герб и нанести республиканские символы, вместо того чтобы разбивать головы статуям, оставив герб в неприкосновенности. На этом анекдотическом примере виден замысел Грегуара: произвести отбор

произведений искусства, которые прославят французский гений, став частью проекта национальной культуры.

Вторая часть донесения Грегуара содержит позитивную программу сохранения или, как сказали бы сегодня, «музеификации» исторических и художественных памятников, а также создания музеев естественной истории и даже «Консерватории машин»⁷. Все они должны служить цели обогащения и развития национальной науки, культуры и языка. Шедевры античной литературы обогатят современный язык, средневековые памятники создадут историческую перспективу, а материалы из архивов королевской канцелярии и монастырей откроют картину «гнусностей» Старого режима. Причем даже самые отталкивающие произведения и документы прошлого помогут создать «перечень человеческих отклонений», который необходимо использовать для просвещения будущих поколений и наглядной демонстрации прогресса, который принесла с собой революция. Таким образом, тщательно отобранные исторические факты станут основой нарратива единой нации, который будет полностью отождествляться с дискурсом Просвещения. А вандализм и невежество окончательно сгинут и, по выражению поэта другой революции, будут выплывать из Леты останками давно забытых слов.

*Е. Н. Блинов, к. филос. н., профессор,
Тюменский государственный университет*

⁷О переходе от идеи борьбы с вандализмом к созданию нарратива национальной истории см. Vidler, 2000: 129–156.

АНРИ ГРЕГУАР

ДОНЕСЕНИЕ О РАЗРУШЕНИЯХ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ ВАНДАЛИЗМОМ, И СРЕДСТВАХ ИХ ОБУЗДАТЬ*

Национальный конвент. Комитет общественного образования

Заседание 14 фрюктидора Второго года Республики, единой и неделимой.

За которым следует декрет национального Конвента, отпечатанный и разосланный администрациям и районным обществам.

Государственное имущество, принадлежащее нации, понесло огромный ущерб, ибо мошенники, у которых всегда есть своя особая логика, сказали : « Мы — нация ». И хотя в общем мы должны осуждать тех, кто обогатился благодаря революции, многим из них не достаёт хитрости, чтобы скрыть колоссальные состояния, сделанные в мгновение ока. Раньше эти люди едва сводили концы с концами за счет своего труда, но уже давно они не работают и живут в полном достатке.

Именно в области искусств был понесен основной ущерб. Не подумайте, что мы преувеличиваем, утверждая, что простой перечень предметов, похищенных, уничтоженных или испорченных, потребовал бы многих томов. Временная комиссия по вопросу искусств, рвение которой неистощимо, считает своим завоеванием сохранение памятников, которые ей удастся вырвать у невежества, жадности и контрреволюционного духа, ведь они будто объединились с тем, чтобы разорить и обесчестить Nation.

Пока огонь пожирает одну из прекраснейших библиотек Республики, пока горючие материалы, по всей видимости, угрожают другим библиотекам, вандализм удваивает свои усилия. Не проходит ни дня,

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод : © Евгений Н. Блинов (ORCID : 0000-0002-3129-2435). Оригинал : *Grégoire H. Rapport sur les destruction opérées par le vandalisme et sur les moyens de le réprimer // L'abbé Grégoire et la naissance du patrimoine national / J. Boulad-Ayoud. — Quebec : Presses Universitaires de Laval, 2012. — P. 37-65.*

чтобы до нас не доходили печальные вести о новых разрушениях : поскольку законы о сохранении памятников не исполняются или являются неэффективными, мы сочли своим долгом представить вашему вниманию подробное донесение по этому вопросу. Национальный Конвент не колеблясь и безотложно поспособствует тому, чтобы возглас его негодования разнёсся громче по всей Франции, и призовет добрых граждан надзирать за произведениями искусства, а равно за зачинщиками этих контрреволюционных преступлений, дабы направить на них карающий меч правосудия.

Пять лет назад разграбление началось с библиотек, когда множество монахов погрело на этом руки. Вне всякого сомнения, именно они похитили уникальную рукопись хроники Ришара из Сенона, схожим образом они вырвали из хроники Джофруа Вандомского знаменитое письмо Роберу Абриссельскому.

Книготорговцы, чья корысть не знает пределов, пользуются ситуацией: так, в 1791-м множество книг, украденных их бывших монастырей Сен-Жан де Лаон, Сен-Фарон и Мо, продавалось в ратуше Бульона по описи аббата, чей титул использовался, дабы избежать всяких подозрений. Множество законов и распоряжений, исходивших от трех национальных ассамблей, ставили целью сохранение литературных сокровищ. Текст и дух этих декретов никогда не допускали продажи. Так, декрет от 23 октября 1790-го года предписывает опечатать имущество в соответствии с описью и направить его Комитету общественного образования, и однако же книги и картины продавались повсюду в округах Шарлевиля, Лангра, Жуани, Осера, Монтивилье, Гурне, Карантана, Невшателя, Жизора, Л'Эгля, Сент-Аньяна, Роморантена, Шатийон-сюр-Эндр, Шаторено, Тонона, Ла Марша, Вийе, Рьома, Тараскона и Монфланкена.

Законодатель надеялся остановить эти бесчинства законом от 10 октября 1792-го года, однако, несмотря на этот закон, все было выставлено на продажу в округах Люра и Кюсселе Сен-Максен. Большинство районных администраций не продавало книжные сокровища, сделав их добычей насекомых, пыли и дождей. Мы недавно узнали, что в Арне книги поместили в бочки... Книги в бочки! 22-го жерминаля Комитет общественного образования представил вам отчет о нашей работе над библиографией, о которой раньше никаких отчетов не делалось. Национальный конвент предписал местным администрациям ускорить отправку каталогов и создать отчет о работе на протяжении последнего десятилетия; посредством самой живой и по-настоящему братской

переписки мы не прекращали разъяснять и вдохновлять эту работу. Мы должны похвалить личный состав множества различных администраций; они вновь выслали примерно миллион двести тысяч карт, что составляет около трех миллионов томов; но есть и те, кто попросту не удостоил нас ответом. Новый циркуляр уже находится в пути, он разослан, чтобы сообщить им о том, что если он останется без ответа, то они лишатся права войти в национальный Конвент.

Но среди ответивших были те, кто, несмотря на точный текст декретов и самые формальные инструкции, даже не страдает манией, а я бы сказал предается особому неистовству подвергать книги сожжению. Вы понимаете, что это шаг куда более неотложный, чем простое составление описи, как поступили в Нарбонне, где книги были отправлены в Арсенал, и в Фонтен-ле-Дижон, где библиотека фельянтинцев была вместе с прочим хламом помещена на склад для макулатуры.

Кто-то предлагает произвести отбор, который исключал бы книги непристойные, абсурдные и контрреволюционные. Однажды мы выясним, должны ли эти незаконные и пышущие злобой произведения быть сохранены, чтобы пополнить перечень человеческих отклонений. Конвент обозначит точку отчета, чтобы определить сохранение произведений, из которых будут сформированы наши библиотеки. Но если мы допустим вынесение разрозненных приговоров по этому поводу, то всякий будет вводить ограничения, как ему заблагорассудится. Отдельные личности, чей вкус может быть небезупречен, а просвещённость — весьма ограничена, сформируют революционный трибунал, который будет по своему произволу запрещать писателей, вынося смертные приговоры их произведениям. В этот список попадут не одни лишь Гораций с Вергилием, причем не только за восхваление тирана, но и за то, что часто печатались с его соизволения.

Как прикажете удержаться от справедливого возмущения, когда нам заявляют, дабы оправдать сожжение, что книги были плохо переплетены? Стоит ли еще раз напоминать, что зачастую всеми атрибутами роскошных изданий обладали сочинения, в которых прославлялся порок и тирания, тогда как работы, чья ценность заключалась в чистоте их принципов и которые таили в себе порок будущих революций, были обречены на то, чтобы томиться во мраке чердаков? Во многих библиотеках нищенствующих монахов, которым многие не придавали никакого значения, содержались издания начальной эпохи книгопечатания (как, например, в бывшей францисканской церкви в Саверне). Это издания невероятной ценности, а экземпляры, о которых мы говорим, никогда

ранее не обращались на рынке и прекрасно сохранились. Именно подобные книги составляли библиотеку господина Пари, каталог которой напечатали англичане и которой мы по своему недосмотру позволили покинуть пределы Франции. Одна из таких книг, оцененная здесь в несколько эю, была продана за 125 гиней в Лондоне.

Заметим для поджигателей книг и новых иконоборцев, еще более необузданных в сравнении с древними, что многие из этих произведений обладают редкой ценностью из-за особенности своих изданий. Молитвенник из капеллы Капетов в Версале должен был быть пущен на производство зарядных картузов, когда национальная библиотека получила в свое распоряжение эту книгу, материалы изготовления, исполнение, виньетки и буквы старого шрифта которой являются настоящим шедевром.

При этом даже плохо исполненные миниатюры, скверно нарисованные виньетки, безобразные с виду переплеты часто помогали прояснить исторические факты, устанавливая даты, представляя нам те музыкальные инструменты, орудия войны и костюмы, описание которых мы могли найти в письменных источниках в самом неудовлетворительном виде.

Я перехожу к ущербу иного рода: древностям, медальонам, памятным камням, эмальям Петито, драгоценностям и артефактам естественной истории небольшого размера, которые часто становились добычей мошенников. Когда они хотели скрыть свои кражи, то заменяли драгоценные камни на подделки. И что могло быть проще этих манипуляций с печатями, когда мы узнаем, что в самом Париже месяц назад сотрудники муниципалитета накладывали печать без литеры при помощи кнопок и даже бронзовой монеты в десять сантимов, и всякий, у кого была подобная монета, мог по своему усмотрению снимать и накладывать печати?

Изо всех концов страны поступают на комиссаров жалобы самые горькие и самые справедливые. Поскольку они могут списывать средства с тех сумм, которые были получены благодаря продажам, то стараются не откладывать ценные предметы в интересах общественного образования. Стоит заметить, что определенная часть людей, выбранных в качестве комиссаров, является торговцами, мошенникам, которые, будучи в состоянии определить ценность предметов, выставленных на продажу, обеспечивают себе невероятную прибыль. Чтобы заработать еще больше, они расплетают книги, разбирают машины, отделяют трубы телескопов от линз, тогда как состоящие в сговоре мошенники знают, как соединить разрозненные части, приобретённые по хорошей цене.

Когда их пугает порядочность или конкуренция со стороны образованных людей, они предлагают им деньги, чтобы те снялись с торгов. Сообщают о случае, когда одного такого дельца поколотили на месте.

Поэтому в расчёте на ажиотажный спрос предметы искусства, которые вообще не должны были быть выставлены на продажу, были сбыты по ценам куда меньше их реальной стоимости. [...]

Необходимо проявить чудеса снисходительности, чтобы увидеть во всем этом одно лишь невежество. Но если невежество не всегда является преступлением, то восхваляющие его должны по крайней мере догадываться, что оно всегда является злом. Практически всегда за ним скрывается злонамеренность и контрреволюционный дух. Те, кто спилил в Монпелье железное дерево, ствол которого, как говорят, превышал сто шагов, чтобы сделать из него древо свободы, возможно были теми же самыми людьми, которые хотели срубить оливковые деревья в бывшем Провансе.

Был ли принят мудрый декрет на этот счет? В настоящий момент аристократия старается использовать его в своих целях. Разве не говорили о переплавке колоколов для производства пушек? Возможно, иностранцы или те, кому они платят, хотели отправить на переплавку бронзовые статуи, находящиеся в хранилище Пети-Огюстен, меридианные круги, выполненные Баттерфилдом для глобусов Коронелли, и медали из кабинета Национальной библиотеки, поскольку, согласно их расчётам, если сложить их вместе, то получится небольшая пушка.

Когда заговорили о дефиците металлических денег, те же самые люди хотели отправить на монетный двор два знаменитых серебряных щита доблести из этой канцелярии, тогда как в Коммюн-Афранши¹ Шассено бросил в плавильный котел восемьсот античных золотых медалей. Требовалось получить селитру? Как рассказывают, разрушали античные памятники в Арле; прекраснейшие монументы возле Сен-Реми постигла та же участь. Вы с полным основанием запретили предметы, которые напоминали о рабстве народов, — тогда они хотели уничтожить картины женщины-художницы, потому что она эмигрировала.

Уничтожить в доме нашего собрата Букье картины Карраччи, потому что они изображал предметы культа. Уничтожить картины Лесюэра, потому что на них можно увидеть монахов картезианского ордена,

¹После контрреволюционного восстания в 1793 году Лион был переименован в Коммюн-Афранши, что буквально означает *Освобожденная коммуна*.

и окончательно добить эти шедевры, которые уже были изуродованы в прошлом веке из зависти.

В Праслене, районе Мелёна, статуи античных богов были разбиты как памятники феодализма. В Экуане два барельефа изображали крылатых женщин, державших герб Монморанси. Эмблему можно было соскоблить, не повреждая статуи. Предлагалось выгравировать на них республиканские символы, нанеся их поверх, подобно египетским иероглифам. Сделали ровно наоборот: разбили головы женщинам и сохранили герб Монморанси. Там же разбили прекрасную статую из белого мрамора — ее осколки разбросаны по двору.

Но на этом не остановились: вооруженные палками люди до всякого террора отправились к гражданам и продавцам антиквариата. Переплет, виньетка были поводом для кражи или уничтожения книг, географических карт, гравюр, картин. Дошли до того, что порвали в клочья изображение казни Карла Первого, потому что на нем был герб. Увы! Милостью божией эта гравюра действительно могла бы показать нам все отрубленные головы королей, а ее единственная опасность состояла в том, чтобы увидеть этот смехотворный герб.

Без сомнения, все, что попадает на глаза, должно говорить на республиканском языке. Но клеветой на свободу должно бы предположение о том, что ее триумф зависит от сохранения или разрушения предмета, на котором деспотизм оставил некий отпечаток; и если памятники отличаются исключительной красотой исполнения, то их сохранность, гарантированная законом третьего фримера, может одновременно вдохновить гений и усилить ненависть тиранов, пригвоздив их самим фактом этого сохранения к чему-то вроде вечного позорного столба, как в случае с мавзолеем Ришелье, одним из шедевров Жирардона.

Неистовство варваров было таково, что они предлагали вырывать книги из переплетов, на которых были гербы, посвящение или соизволение на печать, а ведь это означало бы уничтожить вообще все. Будьте уверены, этот новый фанатизм вполне в английском вкусе. Они бы очень хорошо заплатили за прекрасные издания *ad usum delphini*², не имея же возможности их получить, они бы охотно заплатили за то, чтобы придать их огню. Возможно, именно в их руках теперь находятся отчеты и рукописные планы, украденные со складов армии и флота.

²Лат. «для использования дофином». Знаменитая библиотека греческих и латинских классиков, собранная для обучения юного принца Людовика Великого Дофина, наследника Людовика XIV-го.

Говорят, что именно в Англии теперь находятся прекрасные собрания из Ла Борд и Эгалитэ. А собрание Шуазэль-Гуфье должно было ускользнуть от вас в тот момент, когда патриотизм наложил эмбарго на Марсель; а совсем недавно у банкира обнаружили три картины — две Клода Лорена и одну Ван Дейка, — которые были куплены для Англии.

Позвольте мне представить вам целый ряд фактов, необходимость сопоставления которых меня внезапно осенила. Манюэль предлагал уничтожить ворота Сен-Дени, что заставило всех людей хорошего вкуса и ценителей искусств провести восемь бессонных ночей. Шомет приказал выкорчевать деревья под предлогом посадки картошки и выпустил указ об убийстве всех редких животных, на которых гражданам надлежало смотреть в Музее естественной истории. Эбер нанес оскорбление национальному величию, опошлив язык свободы. Шабо говорил, что не любит ученых: он вместе с сообщниками превратил это слово в синоним аристократии. Лакруа желал, чтобы солдат мог получить любое звание, не умея читать. В то время как разбойники из Вандеи уничтожали памятники в Партене, Анжере, Сомюре и Шиноне, Анрио желал повторить подвиги Омара в Александрии. Он предлагал сжечь национальную библиотеку, и его предложение повторили в Марселе.

Дюма говорил, что необходимо отправить на гильотину всех умных людей. Что до Робеспьера, то говорили, что ему нужен всего один подобный муж. И, между прочим, он намеревался, как нам известно, отнять у отцов, которым эта миссия поручена самой природой, священное право воспитывать детей. То, что было всего лишь ошибкой у Лепелетье, у Робеспьера стало преступлением. Под предлогом превращения нас в спартанцев он хотел сделать из нас илотов и установить военный режим, который есть не что иное, как тирания.

Дабы осуществить план по иссушению всех источников просвещения, необходимо было привести в оцепенение или уничтожить выдающихся людей, жизнь которых зачастую осложняется теми, кто их оскорбляет, чтобы не восхищаться ими; нужно было непременно отказывать им в свидетельстве благонадежности, кричать на заседаниях комитетов «бросьте вызов этому человеку, он написал книгу», прогонять их с занимаемых должностей, лстить гордыне невежеством, убеждая ее в том, что патриотизма, который необходим во всем, вполне достаточно для чего бы то ни было; и даже под предлогом борьбы за торжество принципов поставить под угрозу собственность, честь и жизнь граждан, вверив их в ненадежные руки. Именно в этом вполне преуспела переодетая аристократия.

Вне сомнения, есть и такие писатели, которые при Старом режиме слепо следовали дурному вкусу, похоти, подхалимству, а теперь продолжили свою пагубную деятельность. Есть даже те, кто, вступив на путь возвышения человеческого духа, обесчестил себя роялизмом, то есть всеми его преступлениями. Но разве не находили мы во всех классах как злодеев, так и людей уважаемых? Республика должна знать только граждан; и кем бы они ни были, Республика должна наказывать виновных и защищать тех, кто чист пред законом.

К чему тогда смешивать с врагами родины людей, которые наделены огромной революционной энергией, почитают свободу, но которых отдают от нынешних потрясений вкус и привычка держаться в стороне? Не отстраняйте их от дел, дайте этому его книги, тому — его машины и лабораторию, а третьему — его телескоп со звездами, и родина пожнет бесценные плоды их гения.

Была организована система преследований талантливых людей. Арестовали Десо, одного из первых хирургов Европы, который стоял во главе крупнейшего госпиталя в Париже, а ведь только он обучает врачей для наших армий, и ваш Комитет общественной безопасности прилагал усилия для его расширения. В течение девяти месяцев заставили томиться в тюрьме знаменитого переводчика Гомера Битобе, сына беженца, которого давным-давно любовь к свободе заставила покинуть страну предков и которого тиран Пруссии лишил доходов, потому что он патриот. Тилэ, Кузен, Лагарц, Вандермонд, Жингене, Ля Шобосьер, Деламетри, Франсуа Нёфшато, Бонсер, Оберлен, Вольней, Ларош, Саж, Бэфруа, Вижэ и многие другие раздели подобную участь. Модюи, Латурет и Шамфор пали жертвами этой инквизиции.

Граждане, должны ли мы оспаривать правдивость или значение упомянутых мной фактов, кроме того, что их перечень далеко не полон, чтобы сделать очевидными все беды от невежества и преступления аристократии? Уничтожать памятники, которые превозносят французский гений, и всех людей, что способны расширить горизонты знаний, спровоцировать преступления, а затем устроить судилище над Революцией, приписывая их нам, одним словом, превратить нас в варваров и возопить перед другими нациями, что мы были варварами хуже мусульман, с презрением ступавших по руинам бесподобной античности, — таковы были части контрреволюционного плана.

Раскрыть этот план заговорщиков означает его расстроить. Граждане увидят ловушки, которые расставлены, чтобы подорвать их лояльность; они сообщат об этих иностранных агентах, которых на полном ходу

должна раздавить революционная колесница. Собирище негодяев эмигрировало, но искусство не может оказаться в эмиграции. Подобно нам, искусства являются детьми свободы; подобно нам, у них есть родина, и мы передадим это наследие будущим поколениям.

То, что сделано законодателями для возрождения наук и распространения приносимых ими благ, то, что им еще предстоит сделать, будет победоносным ответом всем самозванцам. Новые способы получения соды и селитры для изготовления пороха и стали, кузни, мгновенно сооруженные литейные цеха для производства пушек, если можно так выразиться, из чего угодно, начало работы по составлению кадастров, телеграф и использование воздушных шаров в военных операциях, организация Консерватории, Музея естественной истории, Комиссии по вопросам искусств, самое обширное из когда либо реализованных предприятие по описанию меридиональной дуги в девять с половиной градусов, новая система мер и весов, которая свяжет Старый и Новый свет — все это было сделано во время политических бурь. Законодатели, это сделали вы.

Проект унификации языка и придания ему подобающей формы начинает воплощаться в жизнь. Многие народные общества юга теперь говорят только по-французски. Есть достижения в музыке: отныне древние и иностранные музыкальные инструменты, такие как тамтам, буцина или корну, скрашивают наши праздники и славят наши победы. И, разумеется, защищают искусства те, кто воздвиг в Пантеоне статуи в честь Декарта и Руссо; мы не оскорбим ни одного представителя народа сомнением в пользе, связанной с гениальными творениями.

Великий человек — это национальное достояние. Уничтоженный пред-рассудок, установленная истина зачастую важнее взятия какого-то города, и, даже если открытия совершаются относительно фактов или точек зрения, которые не находят себе быстрого применения для общественных нужд, нельзя сомневаться в том, что однажды эти изолированные звенья соединятся в великую цепь существ и истин.

Так свяжем же гений неразрывной связью со свободой. Он будет повсюду нести живительную республиканскую силу и приблизит тот час, когда Франция достигнет пика процветания и счастья. Граждане, та картина, которую я нарисовал пред вашими глазами, рассказывая вам о разрушенных памятниках, без сомнения, весьма печальна.

Но нужно было присовокупить эту новую серию преступлений к тем, которые были совершены нашими врагами: приобщить подобные материалы к истории означает усилить то презрение и заслуженное прокля-

тие, которое будет наложено на них навеки. Доказать, что они хотели уничтожить наше политическое сообщество, искоренив нравственность и просвещение, означает сделать так, чтобы последние были нам еще более дороги; и, между прочим, тот ущерб, рассказ о котором вы сегодня слышали, в значительной степени смягчен теми несметными богатствами, которые еще остаются нам в области искусств и наук. Вы получите о них полный отчет, сейчас можно обозначить их в общем виде.

Пять месяцев назад на этой трибуне мы оценивали в десять миллионов томов количество национальных книг. Новая оценка поднимает это число до двенадцати миллионов. Вы только что приняли декрет, который предписывает представить способы обработки рукописей. Инструкция Комиссии по вопросам искусств, отпечатанная в соответствии с приказом Комитета общественного образования, должна убедить вас в том, что этот вопрос соответствует плану указанных работ. Но необходимо предварительно собрать вместе все эти рукописи, число которых огромно и которые содержат произведения большой важности. Будьте уверены, англичане или голландцы не замедлят освоить эту плодородную жилу — они заставят Старый и Новый свет платить им, ведь они когда-то уже продавали втридорога издания древних авторов, осуждённых по рукописям из нашей национальной библиотеки. Бэкон утверждал, что Гомер вскормил больше людей своими сочинениями, чем Август своими конгиариями. И мы даже не знаем, что благодаря работам писателей и ученых через наши печатные мастерские и библиотеки прошло за последние несколько лет до двухсот миллионов произведений, из которых пятьдесят четыре миллиона приходится на Париж. Все прекрасные книги, которые вышли из наших колледжей и многие из которых посвящены искусству врачевания и химии, считаются классическими у просвещённых наций. Вы, разумеется, вновь запустите печатную мастерскую в Лувре, первую в Европе. Если гарнитуры Гарамона и Витре по-прежнему будут простаивать без дела, мы будем недостойны обладать ими.

Перепечатаем же всех выдающихся греческих и латинских авторов с вариантами перевода на французский на одной странице: это новый способ обогатить Республику и распространить национальный язык. Стряхнем пыль с миллионов рукописей, что нагромождены в наших библиотеках. Подобный отбор наравне с тем, что предоставят нам наши архивы, пробудит любознательность всей ученой Европы. Так сделаются общим достоянием множество историй, свидетельствующих о злодеяниях деспотизма. Одни только письма Карла IX-го и Франциска-II-го,

недавно опубликованные, открыли нам королевские гнусности, которые до сей поры были сокрыты. Так в один прекрасный день будут представлены образчики того, что деспотизм пытался скрывать, что даст нам новые орудия освобождения. Так в национальной библиотеке есть неизданная рукопись, в которой содержится перечень былых убийств тиранов.

Медаль, на которой мы видим руку с оружием, срезающую лилии и разбивающую скипетр, объявилась спустя два столетия. О ней нет никаких упоминаний в истории: мы находим ее в каталоге, который был составлен при Лавуа, и уже тогда она находилась в зале медалей, скромно спрятанная на одной из полок. Точно так же в Рибовилле, в департаменте Верхнего Рейна, у бывшего принца была найдена ваза из вермели весом в двадцать три марки, которая является настоящим шедевром. Она изображает Клелию, Коклеса, смерть Виргинии, самопожертвование Сцеволы и изгнание Тарквиния. Кроме того, после семидесяти лет картина Филипа де Шампenea выйдет из тени и будет помещена в зал наших заседаний. Она изображает Геркулеса, растаптывающего короны.

Оглядывая панораму *человеческих* знаний, мы находим, что практически во всех жанрах вы увидите массу полезных материалов. Одно лишь военное хранилище содержит более восемнадцати тысяч географических карт. Все хранилища страдают от переизбытка накопленных рукописей, отчетов, проектов, на которые были потрачены немалые средства и которые дублировались в каждом хранилище, потому что всякое министерство отделяло их специально для своих собственных нужд. Медали, памятные камни как с нанесенными, так и с выдолбленными надписями продолжают этот список. С их помощью можно заполнить белые пятна.

В хранилищах Версаля, Консерватории, Несль, Пети-Огюстен (независимо от того, что существует в департаментах) золото, серебро, бронза, гранит, порфир, мрамор в руках гениев получили прекрасную и законченную форму. Картинам, гравюрам, статуям, бюстам, барельефам нет числа. В хранилище Пети-Огюстен, которое пополняется ежедневно, уже находится двести статуй и пятьсот две колонны.

Средневековые памятники также наведут нас на интересные соображения если и не красотой своей работы, то по крайней мере с точки зрения истории и хронологии. Этрусские древности, вне всякого сомнения, будут притягивать взгляды художников. Мы знаем, какую цену назначают англичане за подобные предметы, из которых Уэджвуд

составил новую Этрусскую коллекцию и принес свой стране столько миллионов за счет торговли фарфором.

Вскоре мы предложим вам основать Консерваторию для машин. Эта новая школа вдохнет жизнь во все искусства и ремесла, существенно сократив объем нашего ежегодного импорта, составлявшего до трехсот миллионов, которые мы тратили на предметы, которые нельзя достать у нас. Циркуляр относительно ботанических садов и редких растений был направлен во все округа в адрес двух объединенных комитетов: комитета доменов и комитета общественного образования. Ответы будут приходить ежедневно; и уже скоро вы сможете распространить по всей Республике набор экзотических овощей, которые хранятся на складе Музея естественной истории. Он состоит из 1334544 образцов, из которых двадцать тысяч относится к оранжереям. Эта масса овощных богатств в каждом департаменте может составить коллекцию до 2500 экземпляров.

К тому же вам известно, что торговля специями практически ускользнула от алчности голландцев. В прошлом году национальный сад Кайенны выпустил в оборот более тридцати двух тысяч экземпляров гвоздичных деревьев, перечных растений, коричных и хлебных деревьев и т. д. Ему еще остается пустить в оборот около семидесяти двух тысяч экземпляров тех же сортов, не учитывая молодых гвоздичных деревьев питомника, количество которых составляет приблизительно восемьдесят тысяч.

Ваши сады в Нью-Йорке и Чарльз-Тауне, а также Иль де Франс и де Бурбон процветают. Когда комитет общественного образования наведет необходимые справки о садах, которыми Республика располагает в Константинополе и других краях Востока в соответствии с декретом от 11-го Прериала, то объяснит вам, каким образом их использовать. Как мне представляется, крайне полезной мерой было бы составление подробной инструкции для ваших дипломатов и консулов с тем, чтобы они предоставили нашей родине овощи, методы обработки, инструменты, открытия и иностранные книги, которые можно было бы присовокупить к уже имеющимся у нас возможностям.

Практически все интересные науке предметы, о которых мы говорили, поступают из бывших замков, садов, от тирана, церковных и академических корпораций, а также эмигрантов. Только в одном хранилище эмигранта из Кастрие содержится более двадцати тысяч единиц интереснейших рукописей. Зачастую бессмысленная роскошь состояла

в накоплении безо всякого представления о цене. Говорят, что Ло³, автор «Системы», узнав, что хороший вкус предписывает ему заказать себе библиотеку, хотел установить за нее цену, измерив ее в аршинах. Подобные хранилища, куда изредка допускали из благосклонности, так что исключительное пользование ими льстило гордыне и потакало амбициям немногочисленных лиц, отныне будут открыты для использования всеми. Кровь и пот народа превращались в книги, статуи, картины — теперь он вновь вступает в обладание ими.

Римляне, став хозяевами Спарты, озаботились тем, что подпилили в Печиле цемент, на котором крепилась великолепная фреска. И все увидели, как она была доставлена в Рим без всяких повреждений даже после подобных насильственных действий. Больше, чем римляне, больше, чем Диметрий Полиоркет, мы должны заявить, что, сражаясь с тиранами, мы защищаем искусства. Помимо досок знаменитой карты Феррари, двадцать два сундука с книгами и пять подвод с предметами для научного изучения были доставлены из Бельгии: среди них мы найдем рукописи, которые были доставлены из Брюсселя во время войны 1742-года, а затем возвращены по условиям мирного договора 1769-го года. Республика, благодаря своей доблести, смогла добыть то, что никогда не мог получить Людовик XIV со всеми его бюджетами: Крайер, Ван Дейк и Рубенс находятся на пути в наши музеи, фламандская школа будет широко представлена, украшая их стены.

Гений представит свои новые дары Республике. Во время своего заключения Кузен, Тилэ и многие другие написали полезные работы. Когда к вековому опыту будут присовокуплены их усилия, будут совершены новые путешествия, которые обогатят нас трофеями, добытыми за границей, как это уже сделали Лаперуз, Левальян, Дефонтен, Фожас де Сенфон и Домбе. После десятилетнего путешествия по Перу последний по поручению правительства возвратился на американский континент. Ваш Комитет общественного образования обратился к нему с серией закономерных вопросов, чтобы предать новое направление испытующему взгляду, и ответы на них вне сомнения дадут нам ценные результаты.

Франция — это поистине новый мир, ее новая социальная организация представляет собой уникальный исторический феномен, и, возможно, до сих пор не замечали, что помимо материала человеческих знаний она одна в результате Революции располагает целым набором качеств

³Джон Ло (1671–1729) — шотландский экономист, создатель так называемой «Системы Ло».

и новых сочетаний, позаимствованных у самой природы, а также неисчерпаемыми средствами для того, чтобы поставить себе на службу общественное возрождение.

Оригинальных личностей будет появляться все больше. У нас будет больше отклонений, но и больше открытий. Мы приблизимся к замечательной простоте греков, но без того, чтобы рабски им подражать: потому что, как говорят, надежный способ избежать имитации — в том, чтобы стать имитатором, ибо редко превосходишь то, чем восхищаешься.

Лирическая поэзия и пастораль непременно возродятся у почитающего плуг народа, у которого появятся праздники. Театральное искусство никогда не знало лучшей эпохи. История не может подарить сюжета лучше, чем последний разоблаченный заговор, в нем найдется все, включая единство времени. Так, сами развлечения найдут себе полезное применение в руках правительства, и призванные услаждать искусства превратятся в искусства полезные.

Законодатели, национальный интерес предписывает вам использовать ваши ценнейшие и богатейшие коллекции, чтобы поставить их на службу всем гражданам. Комитет предложит вам способ распределения, а поскольку в соответствии новыми принципами организации ему поручен надзор за музеями, то их необходимо основать. Поторопитесь выдвинуть талантливых людей, которые придут на смену нынешнему малочисленному поколению. Иногда говорят о научной аристократии: она смущает отдельные личности, которые выступают против любых проектов образования и желают обречь на невежество всех ремесленников и земледельцев, тогда как они лелеют планы на образование для своих детей. Есть одно верное средство не вынуждать себя постоянно вверять ведение дел в одни те же руки и избежать монополии талантов: рассеять их, множить знания отводками, подобно винограду, без промедления организуя народное образование и в особенности нормальные школы. Ибо если у нас будут хорошие учителя, то успех неизбежен; и не забывайте, что речь идет об образовании, поскольку в том, что касается правления, мелочные взгляды должны быть удостоены презрения. Пятнадцать месяцев назад Комитет общественного спасения уверял вас, что эти меры необходимы для обеспечения всеобщей безопасности, однако они так и не были приняты, а от национального образования остались лишь руины. Вам осталось двадцать агонизирующих колледжей. Из более чем семисот округов лишь в семидесяти имеются начальные школы, причем из этого числа лишь в шестнадцати дела обстоят удовлетворительным образом, да и то за отсутствием лучшего. Этот провал

в шесть лет способствовал упадку нравов и наук. Его последствия будут ощущаться самым пагубным образом на назначенных представителях властей, возможно, вплоть до самого законодательного корпуса.

В настоящее же время молодежь измучена томлением в надежде чему-то научиться: национальная библиотека служит нашим барометром в этом отношении. Хотя большая часть тех, кто должен в нее ходить, в настоящий момент находится в армии, она посещается куда чаще, чем раньше, и в ней чаще спрашивают полезные книги. Напрасно будем мы твердить, что полезные знания, такие как добродетель, стоят на повестке дня, но при этом не востребованы. Здесь их учат, там вдохновляют. И то и другое является продуктом образования, и вы не получите даже незрелых плодов, если немедленно не создадите систему национального образования, которая будет лелеять свободу как на уровне принципов, так и на уровне чувств: когда Революция будет в умах и сердцах, она будет повсюду.

Чтобы совершенно достичь целей этого донесения, мы предложим вам средства приостановить нанесение ущерба. Если оно является следствием невежества, то требуется просвещать, если недосмотра — привлекать внимание, злого умысла аристократии — подавлять. Но что же! На протяжении целого века скаредная природа позволила всего нескольким великим людям ускользнуть из своего лона; необходимо тридцать лет подготовительной работы, чтобы написать глубокую книгу, картину или статую в возвышенном стиле, тогда как факел глупца или топор варвара может уничтожить их в одно мгновение! Таковы ежедневные творимые злодеяния, которые заставляют нас оплакивать потерю стольких шедевров.

Как правило, ценный памятник признается таковым. В Мулене все знают, что у них есть ценнейший мавзолей, в Страсбурге всем известно надгробье Морица Саксонского работы Пигаля; но если выдвигать предположение о том, что за отсутствием вкуса и знаний никто не способен оценить эти предметы, то что тогда вообще можно советовать? Ничто не сравнится в мудрости с высказыванием одного философа: «В сомнении воздержись». Однако существуют памятники, на которых не лежит печать гения, однако они ценны для искусства.

У мошенников есть грамоты о принятии в подданство от всех монархий, но в Республике они должны оставаться чужаками: не выдать их правительству, значит, стать их сообщником, значит, ненавидеть родину. Но не будем смешивать их с людьми, чья прямота равняется простодушию, найдем же подлинных виновников и обрушимся без

всякой жалости на всех воров, всех контрреволюционеров, сделав тем самым более полезной деятельность революционного правительства, которое тщетно пытается обогатить аристократия. Ее стенания позволяют лишь сорвать личину с тех испорченных людей, которые долго рядились в чужие одежды и которым не избежать национальной палицы.

Мы далеки от того, чтобы предложить вам, как это было у греков, смертную казнь за упомянутые преступления. Вы издали декрет на этот счет — достаточно напомнить о нем и расширить его действие, которое относилось только к скульптурам, так как библиотеки, собрания по естественной истории не менее заслуживают того, чтобы их охраняли. Новая организация комитетов сделает наблюдение более энергичным. Присовокупим же к репрессивным мерам меры нравственного воздействия, обратимся ко всем народным обществам, всем примерным гражданам; и особенно укажем представителям народа, чтобы в своей переписке с департаментами они старались пробудить патриотизм и просветить их на этот счет.

В Италии люди привыкли уважать памятники и тех, кто их создает. Приучим же наших граждан проникаться теми же чувствами. Да будет общественный почет окружать объекты национального достояния, которые, не принадлежа никому, являются собственностью всех. Подобные памятники заставляют ярче сиять славу нации и укрепляют ее политическое превосходство. Именно ради восхищения ими приезжают иностранцы. Амфитеатр Нима и Пон-дю-Гар, возможно, принесли Франции куда больше тех сумм, в которые они когда-то обошлись римлянам.

На Сицилии практически не осталось ничего целого, кроме ее знаменитых руин, но со всех концов света будут приезжать ради интереса к ним. В современном Риме больше нет великих людей, но его обелиски и статуи притягивают взгляды всего ученого мира. Один англичанин потратил две тысячи гиней на то, чтобы посмотреть памятники, которые обрамляют берега Тибра. Разумеется, если наши победоносные армии проникнут в Италию, то добыча Аполлона Бельведерского и Геркулеса Фарнезского будут самыми блестящими завоеваниями. Греция украсила Рим, почему тогда шедевры греческих республик должны украшать страны рабов? Французская Республика должна стать их окончательным пристанищем.

Филипп Македонский говорил: «Я скорее покорю воинственную Спарту, чем ученые Афины». Объединим же отвагу Спарты и гений Афин: да узрим же потоки света, которые беспрестанно должны изливаться из Франции, дабы просветить все народы и испепелить все троны.

Исходя из того, что тираны боятся просвещения, следует неоспоримый вывод о его необходимости для республиканцев: свобода — дочь просвещённого разума, и нет ничего более контрреволюционного, чем невежество, которое нужно ненавидеть наравне с царизмом. Напишем же на всех памятниках и выгравировем во всех сердцах следующее изречение: «Варвары и рабы презирают науки и разрушают памятники, люди свободные любят и сохраняют их».

Грегуар после своего донесения представил проект из четырех параграфов, которые были утверждены. Барелон разработал следующее дополнение:

Науки, искусства и в особенности история понесли потери, утратив предметы исключительной ценности. Когда монахи были изгнаны из своего логова, то, как ни сложно в это поверить, мы узнали, что во Франции были края и хартии настолько варварские, чтобы предписывать поборы за мальчиков и девочек; необходимо, чтобы они стали известны всей Европе. Я требую в этом дополнении, чтобы все граждане, которые присвоили рукописи, книги, хартии, медали, древности, которые хранились в национальных учреждениях, вернули их в течение месяца Директориям своих округов под угрозой стать подозреваемыми.

Дополнение требует уточнений. Бурдон из Уазы заметил: «Можно утвердить дополнение Барелона, добавив „те, кто будет хранить“ и т. д.». Барелон: «Я согласен».

Дополнение принято с учетом редакции. Таким образом, декрет принят в следующей формулировке:

Национальный Конвент, заслушав донесение своего Комитета общественного образования, постановил:

1. Библиотеки и все прочие памятники наук и искусств, принадлежащие Нации, должны быть рекомендованы для помещения под охрану всех примерных граждан. Им предлагается разоблачать перед учрежденными властями провокаторов, а также нанесших ущерб и разрушивших библиотеки или памятники.
2. Тем, кто будет приговорен за разрушение или повреждение по злому умыслу памятников наук и искусств, будет назначена мера наказания в виде двух лет тюрьмы в соответствии с декретом от 13 апреля 1793 года.
3. Настоящий декрет будет напечатан в *Законодательном бюллетене*.

4. Он будет вывешен в местах проведения заседаний административного персонала, народных обществ и во всех местах, где содержатся памятники наук и искусств.
5. Всякое лицо, в распоряжении которого находятся рукописи, подтверждающие документы, медали, древности, которые прежде хранились в национальных учреждениях, будет обязано вернуть их в течение месяца в Директорию округа по месту жительства, считая с момента обнаружения настоящего декрета, под угрозой быть признанным в качестве подозреваемого и подвергнуться наказанию.
6. Конвент постановляет отпечатать данное донесение и разослать его администратиям и народным обществам.

ЛИТЕРАТУРА

- Baczko B.* Comment sortir de la terreur. — Paris : Editions Gallimard, 1989.
- Baczko B.* «Vandalisme» // Dictionnaire critique de la Révolution Française / sous la dir. de F. Furet, M. Ozouf. — Paris : Flammarion, 2007. — P. 905.
- Bell D.* Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. — New York : Harvard University Press, 2001.
- Boulad-Ayoud J.* L'abbé Grégoire et la naissance du patrimoine national. — Quebec : Presses Universitaires de Laval, 2012.
- De Certeau M., Julia D., Revel J.* Une politique de la langue. — Paris : Gallimard, 2002.
- Dubray J.* La Pensée De L'abbé Grégoire : Despotisme et Liberté. — Oxford : Voltaire Foundation, 2008.
- Ezran M.* L'abbé Grégoire, défenseur des juifs et des noirs : Révolution et tolérance. — Paris : Harmattan, 2000.
- Grégoire H.* Mémoires. — Paris : Ambroise Dupont, 1837.
- Grégoire H.* Rapport sur les destruction opérées par le vandalisme et sur les moyens de le réprimer // L'abbé Grégoire et la naissance du patrimoine national / J. Boulad-Ayoud. — Quebec : Presses Universitaires de Laval, 2012. — P. 37–65.
- Hermon-Belot R.* L'abbé Grégoire : la politique et la vérité. — Paris : Seuil, 2000.
- Hourdin G.* L'abbé Grégoire, évêque et démocrate. — Paris : Desclée de Brouwer, 1989.
- Sepinwall A.* The Abbé Grégoire and the French Revolution : The Making of Modern Universalism. — Berkeley : University of California Press, 2005.
- Vidler A.* The Paradoxes of Vandalism : Henri Gregoire and the Thermidorian Discourse on Historical Monuments // The Abbé Grégoire and His World / ed. by R. Popkin, J. Popkin. — New York : Springer, 2000. — P. 129–156.

Grégoire, H. 2021. "Doneseniye o razrusheniyakh, proizvedennykh vandalizmom, i sredstvakh ikh obuzdat' [Rapport sur les destruction opérées par le vandalisme et sur les moyens de le réprimer]" [in Russian], trans. from the French and annot., with an introd., by Ye. N. Blinov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (2), 213–236.

HENRI GRÉGOIRE

RAPPORT SUR LES DESTRUCTION OPÉRÉES

PAR LE VANDALISME ET SUR LES MOYENS DE LE RÉPRIMER

Translation of: Grégoire, H. 2012. "Rapport sur les destruction opérées par le vandalisme et sur les moyens de le réprimer" [in French]. In *L'abbé Grégoire et la naissance du patrimoine national*, by J. Boulad-Ayoud, 37–65. Quebec: Presses Universitaires de Laval.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-213-236.

REFERENCES

- Baczko, B. 1989. *Comment sortir de la terreur* [in French]. Paris: Editions Gallimard.
- . 2007. "Vandalisme" [in French]. In *Dictionnaire critique de la Révolution Française*, ed. by F. Furet and M. Ozouf, 905. Paris: Flammarion.
- Bell, D. 2001. *Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800*. New York: Harvard University Press.
- Boulad-Ayoud, J. 2012. *L'abbé Grégoire et la naissance du patrimoine national* [in French]. Quebec: Presses Universitaires de Laval.
- De Certeau, M., D. Julia, and J. Revel. 2002. *Une politique de la langue* [in French]. Paris: Gallimard.
- Dubray, J. 2008. *La Pensée De L'abbé Grégoire: Despotisme et Liberté* [in French]. Oxford: Voltaire Foundation.
- Ezran, M. 2000. *L'abbé Grégoire, défenseur des juifs et des noirs: Révolution et tolérance* [in French]. Paris: Harmattan.
- Grégoire, H. 1837. *Mémoires* [in French]. Paris: Ambroise Dupont.
- Hermon-Belot, R. 2000. *L'abbé Grégoire: la politique et la vérité* [in French]. Paris: Seuil.
- Hourdin, G. 1989. *L'abbé Grégoire, évêque et démocrate* [in French]. Paris: Desclée de Brouwer.
- Sepinwall, A. 2005. *The Abbé Grégoire and the French Revolution: The Making of Modern Universalism*. Berkeley: University of California Press.
- Vidler, A. 2000. "The Paradoxes of Vandalism: Henri Gregoire and the Thermidorian Discourse on Historical Monuments." In *The Abbé Grégoire and His World*, ed. by R. Popkin and J. Popkin, 129–156. New York: Springer.